

Замечательные исторические женщины на Руси

<...>Во дворце, после смерти царя, осталось громадное царское семейство, но оно почти все состояло из женщин, из девушек. Это были известные уже нам царевны: Ирина, которую так неудачно отец хотел просватать за датского принца Вольдемара, Анна и Татьяна — старые девушки, сестры царя Алексея Михайловича, потом Евдокия, Марья, Софья — соперница Петра, Екатерина и Марфа — дочери Алексея Михайловича от первого его брака, от Марьи Ильиничны Милославской, затем Наталья и Федора — дочери от второго брака, от Натальи Кирилловны Нарышкиной, и, наконец, сама Наталья Кирилловна, еще очень молодая вдова.

На такое значительное число женщин в царском семействе приходилось только трое мужчин, почти детей: один больной цынгой царевич Федор, другой тоже больной и малоумный Иван и третий — совсем еще ребенок Петр.

Во всем этом большом семействе выдавались только три личности: мачеха Наталья Кирилловна, собственно как мать маленького Петра, этого замечательного ребенка с самых ранних лет, падчерица первой, царевна Софья, и крошечный Петр.

Софья и Петр — это были две почти равные силы, хотя рожденные от разных матерей, но силы тождественные, обе полные энергии личности. Софья, даже по отзыву ее недоброжелателей и личных врагов, была «великого ума и самых нежных проникательств, больше мужеского ума исполненная дева».

Учитель Софьи был знаменитый западно-русский монах и поэт Симеон Полоцкий. Западная Русь и влила отчасти в Русь восточную свежие силы и новые стремления, почерпнутые ей у Европы еще раньше Петра. Софья знала по-польски. Она читала жития святых, изданные на польском же языке известным западно-русским ученым Лазарем Барановичем. Польский дух, или скорее западно-русская образованность с ее идеями несомненно отразились на развитии молодой, даровитой и восприимчивой царевны, и она первая из русских женщин, наравне с женой боярина Матвеева, вышла из терема и отворила двери этого терема для всех желающих русских женщин, как меньший брат ее Петр прорубил потом окно в Европу, тоже для желающих, а иногда и для не желающих.

Одним словом, царевна Софья составляет переход от женщин допетровской Руси к женщинам Руси современной.

Симеон Полоцкий, посвящая молодой своей ученице свое сочинение — «Венец веры», так обращается к ней со своими силлабическими виршами, рифмованными не всегда удачно и гладко, с помощью польских ударений на вторых от конца слогах, звучащих противно русскому уху:

О благороднейшая царевна Софиа,
Ищещи премудрости выну небесные.
По имени твоему жизнь твой ведещи,
Мудрые глаголеши, мудрая дееши.
Ты церковныя книги обыкла читати
И в отеческих свитцех мудрости искати,
Увидевши же, яко и книга писася новая,
Яже «Венец веры» реченная,
Возжелала ту еси сама созерцати
И еще в черни бывшу прилежно читати,
И, познавши полезну в духовности быти,
Велела еси чисто ону устроити.

Естественно, что между честолюбивой и властолюбивой Софьей и Натальей Кирилловной должна была возникнуть вражда, сначала вражда падчерицы против мачехи, особенно же при тогдашних, почти первобытных понятиях, какие вообще соединялись с

словом «мачеха», и потом вражда из-за власти, из-за царственного первенства маленького Петра, в котором мать буквально души не чаяла. К Софье примкнули другие царевны, ее сестры, числом семь, и, кроме того, тетки — сестры Алексея Михайловича, которые все, вторичной женьбой брата на Наталье Кирилловне, оттеснены были на второй план, тогда как на первый план становилась молодая женщина, годившаяся им в дочери и еще недавно, будто бы, по уверению Шакловитого, «ходившая в лаптях». Ее должна была возненавидеть и вся семья Милославских, вся их обширная, почти заполонившая дворец, родня, по праву того, что первая жена царя была Милославская, а, следовательно, и царские дети — все Милославские.

Когда умер Алексей Михайлович, Матвеев сначала скрыл его смерти хотел посадить на престол маленького Петра, помимо старшего царевича Федора, из рода Милославских. Но бояре, не без влияния Софьи, разбили этот план: больного Федора, с распухшими от цынги ногами, вынесли на руках и посадили на трон. Началось целование его царской руки.

Наталья Кирилловна должна была скрыться с маленьким Петром.

Рядом с больным царем и даже выше его нравственно — стала у престола Софья; рядом с ней поместились пять сестер и три тетки.

Мачеха была в загоне. Загон этот она чувствовала и слышала в криках известной «постницы», верховной боярыни Анны Петровны Хитрово, пользовавшейся громадным влиянием при дворе: Наталья Кирилловна была слишком по-новому воспитана и воспитана у такого человека, как Матвеев, у которого были свои комедианты, «лицедействовавшие по дьявольскому наущению», чтобы не быть гонимой со стороны боярыни «постницы».

Врагом Натальи Кирилловны и сторонником Софьи становится и Василий Семенович Волынский, вошедший в силу потому только, что его жена была большая модница, державшая хороших швеек, к которым и обращались с заказами все тогдашние боярыни и боярышни-щеголихи: так, костюм и женская мода начинают уже играть роль на рубеже старой и новой России, в эпоху борьбы двух молодых женских сил, одинаково и в одно время захлопнувших за собой двери теремов: мачехи Натальи Кирилловны и падчерицы Софьи Алексеевны.

Тот, на кого могла опереться Наталья Кирилловна, боярин Матвеев, заменявший ей отца, был немедленно сослан, вместе со своим образованным сыном, будто бы за чародейство, потому что читал с лекарем какую-то «черную книгу» и отравил царя: его сослали сначала в Лаишев, а потом еще в худшую ссылку — в Мезень.

Но этого мало: сослали и братьев Натальи Кирилловны, потому что все это нужно было ее сопернице, царевне Софье. Брата царицы Натальи, Ивана обвинили в желании убить царя.

— Говорил ты, Иван (так обвиняли брата Натальи Кирилловны), держальнику своему, Ивашку Орлу, на Воробьева и в иных местах про царское величество при лекаре Давыдке: ты-де орел старый, а молодой-де орел на заводи ходит, и ты его убей из пищали, а как ты убьешь, и ты увидишь к себе от государыни царицы Натальи Кирилловны великую милость, и будешь взыскан и от Бога тем, чего у тебя и на уме нет. И держальник твой Ивашка Орел тебе говорил: убил бы, да нельзя, лес тонок, а забор высок. Давыдка в тех словах пытан, и огнем и клещами жжен многожды, и перед государем, и перед патриархом, и перед боярами, и отцу своему духовному в исповеди сказывал прежние-же речи: как ты Ивашку Орлу говорил, чтобы благочестивого царя убил. И великий государь указал и бояре приговорили: за такие твои страшные вины и воровство тебя бить кнутом и огнем и клещами жечь и смертью казнить, и великий государь тебя жалует, вместо смерти велел тебе дать живот, и указал тебя в ссылку сослать на Рязань, в Рязский город, и быть тебе за приставом до смерти живота твоего.

Настало царство женщин. Так и несчастный вельможа-любимец Алексея Михайловича, воспитатель Натальи Кирилловны, Матвеев, пишет свои слезные просьбы

из ссылки женщине, могущественной «постнице» Анне Петровне Хитрово, адресуя на имя мужа ее:

«Сугубой милости у тебя прошу — попроси милости и милосердия у государыни моей, милостивой боярыни Анны Петровны, чтобы она, видя мою невинность и слезы кровавые и непрестанные с червем моим, и разорение мое всеконечное, для воздаяния на небесах будущих благ в нескончаемом царствии, предстательствовала обо мне убогом у великого государя с тобой».

Удалив Наталью Кирилловну и маленького Петра, рассеяв всю их родню и всю их партию, царевна Софья, однако, скоро встретилась с новой, неожиданной соперницей.

Во время одного из крестных ходов, царь Федор Алексиевич заметил одну девушку, которая сразу произвела на него впечатление. Он велел узнать, кто она, и ему доложили, что это — Агафья Семеновна Грушецкая, племянница думного дьяка Заборовского и живет у него в доме, у своей тетки. Заборовскому тотчас же приказали не выдавать замуж племянницы до царского указа. Тогда партия Софьи-царевны, узнав о грозящей им опасности, старалась оклеветать Грушецкую и ее мать. Но ничто не помогло: девушка была оправдана от клеветы в глазах царя, и больно Федор женился на ней в 1680 году.

Грушецкая была родом полька. По свидетельству одного польского писателя, хорошо знавшего тогдашние московские события и тогдашнее общество, Грушецкая принесла много добра московскому царству: по ее влиянию, в Москве заложено было несколько школ польских и латинских; москвичи начали стричь волосы, брить бороды, носить польские сабли и кунтуши. Грушецкая уговорила царя снять с воинов позорные женские охабни, которые должны были носить ратные люди, бежавшие с поля сражения. По ее же влиянию велено было вынести из церквей образа, которые ставили в храмах своих прихожане, каждый лично для себя, и этим образам, как своим богам-патронам, каждый исключительно молился и свечу ставил, а другим не позволял.

Разумеется, эти нововведения не могли не вызвать в Москве толков, сплетен, интриг: говорили о намерении царя принять «ляцкую веру», вспомнили и Димитрия-Самозванца и Марину Мнишек.

Конечно, всем этим не могла не руководить царевна Софья для своих видов, но ее опасения и тревоги за свое первенство были напрасны: ровно через год ее соперница Грушецкая уже не существовала: она родила сына, царевича Илью, и на третий день после родов (14 июля 1681 г.) умерла. Через шесть дней умер и царевич Илья.

Польского духу при дворе, стало быть, не осталось.

Но у властолюбивой царицы Софьи явилась еще новая соперница: меньше чем через год после смерти царицы Агафьи Грушецкой, болезненный царь женился на второй жене (14 февраля 1682 года). Это была девушка далеко незнатного рода: Марфа Матвеевна Апраксина.

Но, женившись 14-го февраля, царь Федор умер 27-го апреля того же года.

Царское семейство еще увеличилось одной женщиной, вдовой царицей Марфой, и еще уменьшилось одним мужчиной.

Царевна Софья самой судьбой, по-видимому, вынесена была на самый верх: все остальное теперь стояло ниже ее — и вдова-царица, бездетная Марфа Апраксина, и другая вдова-царица, мачеха Наталья Кирилловна с сыном Петром, и ее собственные сестры, и старые тетки-царевны: все стояло ниже нее во всех отношениях.

Но в это время воскресал как бы из мертвых ее старый враг — Артамон Матвеев, доселе томившийся в ссылке в Мезени. За него хлопотала у царя последняя его жена Марфа Апраксина, и он переведен был в Лух. Но еще более страшный удар ожидал Софью на другой лень после смерти брата, Федора Алексеевича: боярский и народный выбор пал на долю сына Натальи Кирилловны — маленького Петра: сын славной «лапотницы» был посажен на царство.

Все планы Софьи рушились. Она была в страшном отчаянье. Когда хоронили ее брата-царя, она сама шла за гробом вплоть до собора: это был первый случай во всей

истории московского царства, что царевна решилась показаться публично, идти пешком, и громким плачем не могла не обратить на себя внимание народа. Ее останавливали от этого, говорили, что это «непригоже», что такое поведение неприлично для царевны — но она никого не слушала.

Возвращаясь из собора во дворец, царевна продолжала громко плакать и говорила к народу:

— Видите, как брат наш царь Федор неожиданно отошел с сего света — отравили его враги зложелательные. Умилосердитесь над нами сиротами: нет у нас ни батюшки, ни брата: старший брат наш Иван не выбран на царство. А если мы перед вами или боярами провинились, то отпустите нас живых в чужие земли, к королям христианским.

Народ не мог не быть поражен этими словами.

В то же время поведение царицы Натальи Кирилловны показалось иным несколько предосудительными, она не достояла в соборе до конца службы, и, простившись с покойником, увела с собой Петра.

Оскорбленные этим тетки царя, Анна и Татьяна Михайловны, тотчас же отправили к царице Наталье монахинь с укоризной:

— Хорош брат — не мог дожидаться конца погребенья!

Царица Наталья отвечала монахиням, что Петр еще ребенок, что он не мог выстоять до конца службы, не евши.

— Кто умер, тот пусть и лежит, а царское величество не умирал: жив! — резко заметил при этом брат Натальи Кирилловны, Иван, который, как мы видели, был сослан в Рязьск за то будто бы, что подговаривал Ивашку Орла убить «орла в заводи», и который, едва умер царь Федор, тотчас же и был возвращен сестрой из ссылки.

Но на стороне царевны Софьи, кроме ее родичей, Милославских, оставались еще князя Василий Васильевич Голицын, которого Софья любила больше, **чем сколько** следовало любить своего политического приверженца и подданного, и Хованский, лицо очень близкое к стрельцам, известный на Москве болтун и сплетник, которого и называли «Тараруем». С их помощью, а особенно с помощью стрельцов, можно было многое еще сделать.

Она и сделала... Недовольные некоторыми из своих начальников, стрельцы взбунтовались. Говорят, что известия о затеваемых стрельцами смутах были столько же приятны для царевны Софьи, сколько для Ноя приятны были лепестки масличной ветви, принесенной голубем в ковчег.

Софья старалась тайно подлить масла в огонь, и в этом помогали ей Хованский, Милославский, и особенно одна женщина из малороссийских казачек, Федора Семеновна Родимица, вдова, постельница: она ходила по стрельцам, носила им от царевны Софьи деньги и **подогревала их на мятежный подъем несбыточными обещаниями.**

Вот почему, едва сын Натальи Кирилловны был провозглашен царем, как она тотчас же вызвала из ссылки своего благодетеля и воспитателя Артамона Матвеева, который один мог уберечь ее с сыном: бразды правления тотчас перешли снова в его привычные руки.

Этого было достаточно для царевны Софьи, и это была самая пора, чтобы поднять на ноги стрельцов.

Стрелецкая гроза разразилась 15-го мая 1682-го года, ровно в девяносто первую годовщину убиения Димитрия-царевича в Угличе. День этот заранее был назначен заговорщиками.

Услышав, что будто бы царевич Иван задушен Нарышкиными, стрельцы с набатным звоном, боем барабанов, со знаменами и пушками двинулись к дворцу. Матвеев и все приверженцы царицы Натальи Кирилловны собрались в ее покоях. Послали за патриархом.

Стрельцам показали царевича Ивана, и они увидели, что он жив, что никто его не душил. Они было стихли.

Но неуместная выходка князя Михаила Долгорукого снова вызвала общий взрыв: за то, что он сделал на стрельцов окрик — началась резня. Долгорукого изрубили бердышами, Матвеева, которого хотела было защитить Наталья Кирилловна и который ухватился было, как за защиту, за маленького царя, вырвали у них из рук, сбросили на площадь, на стрелецкие копья, и изрубили на части.

Наталья Кирилловна, схватив царя, убежала в Грановитую палату.

Стрельцы рыскали по дворцу и искали Нарышкиных. Ошибкой убили стольника Салтыкова, и извинились в ошибке перед его отцом, сказав, что приняли покойного за Нарышкина — и отец еще угостил их водкой. Разрубили на части восьмидесятилетнего старика князя Долгорукого, сначала извинившись, что сгоряча убили его сына Михаилу, бросили труп старика на навозную кучу и на труп положили соленую рыбу.

Целый день искали Нарышкиных и свирепствовали во дворце. На другой день то же: все искали своих жертв, которые прятались двое суток то в комнатах царевны Натальи Алексеевны, маленькой сестры Петра, то у вдовы-царицы Марфы Матвеевны, и об их убежище знала одна лишь постельница Клушина.

Ожесточение бунтовщиков дошло до крайних пределов: от крови и вина они опьянели совершенно, и когда Хованский, «Тараруй», спросил их:

— Не выгнать ли из дворца царицу Наталью Кирилловну?

— Любо! любо! — отвечали ревом эти рассвирепевшие звери. Спасенья нельзя было ждать ни откуда. Надо было опасаться, что обезумевшие мятежники станут бить всех бояр. Поэтому приходилось выдать тех, кого они требовали, а главное — выдать Ивана, брата Натальи Кирилловны.

— Брату твоему не отбыть от стрельцов: не погибать же нам всем за него! — с сердцем сказала царевна Софья царице Наталье.

Бояре также просили царицу выдать брата, чтобы спастись самим.

Несчастливого выдали: его ввели в церковь Спаса, перед смертью исповедали, приобщили, и, как умирающего, напутствовали и соборовали. Царевна Софья советовала ему взять образ и нести перед собой — не испугаются ли убийцы и не устыдятся ли образа.

Боязнь бояр не позволила даже сестре проститься с братом. Особенно торопил их старик князь Яков Никитич Одоевский, да и сцена прощанья была раздирающая.

— Сколько вам, государыня, не жалеть, а все уж отдать придется, — говорил он Наталье Кирилловне: — а тебе, Ивану, отсюда скорее идти надобно, а то нам всем придется погибать из-за тебя.

Ивана стрельцы пытали, но и под пыткой он молчал. Несчастливого разрубили на части.

Поймали доктора Данила фон-Гадена. Его обвинили в отравлении царя Федора. Царица Марфа Матвеевна и царевны умоляли стрельцов пощадить его, уверяя, что все лекарства, которые давались больному парю, Гаден сам отведал в их глазах.

— Да он не только уморил царя Федора Алексеевича, — кричали стрельцы: — он чернокнижник: **мы у него в доме нашли сушеных змей**, и за это надо казнить его смертью.

Пытали и рассекли доктора на части.

Звери, думая, что совершили подвиг за царя, подошли ко дворцу и кричали:

— Теперь мы довольны. С остальными изменниками ваше царское величество чините что угодно, а мы за ваше царское величество, за обеих цариц, царевича и царевен готовы головы свои складывать!

Вот что наделала царевна Софья!

У царской матери, у царицы Натальи Кирилловны, не осталось никого: всех перебили. Остался только царь-ребенок. Ясно, что о борьбе со всемогущей Софьей ей и думать было нечего, — ей, которую князь Хованский называл «стрелецкой женкой», а сына ее — «стрелецким сыном», так как отец царицы Натальи Кирилловны — мы видели выше — был одно время стрелецким головой. Они остались без семьи, и современники

справедливо назвали несчастную мать великого Преобразователя России — «бессемейной».

После стрелецкого погрома царевна Софья царствовала по всей своей воле: первый раз после первой русской княгини Ольги, мстившей древлянам за смерть мужа, Русской землей управляла женщина, и притом девушка, вместе с целым десятком других царевен. Все шло с докладами к царевнам «на верх»: знали только Софью, которая наградила стрельцов за верную службу, раздав им деньги и обещав еще по десять рублей на стрельца. Буяны эти переименованы были в «надворную пехоту» — тоже едва ли не по примеру «надворного» войска в Польше. Начальником «пехоты», говорят, сам себя выбрал «Тараруй».

Но в царевне Софье, по-видимому, был тот же реформационный дух, что и в ее маленьком брате Петре, будущем «царе-работнике»: она не остановилась на том, что было сделано. Хованский докладывал, что стрельцы и московские люди хотят, чтобы оба царевича царствовали вместе. Это значило, чтобы царевна Софья была правительницей до их возмужалости, по примеру Елены Глинской, матери Грозного, а Наталья Кирилловна отошла бы уже на третий план.

Буяны-стрельцы обедают во дворце каждый день по два полка. Задобренные едой и питьем, они упрашивают царевну Софью взять в свои руки кормило правления — быть правительницей. После долгих притворных отказов, она взяла то, что уже давно было в ее руках.

Но стрельцы все же не могли не сознавать, хотя смутно, что они наделали, что учинили они нехорошее дело, злодейское, что дело это — все-таки был бунт.

И вот, они подают царям челобитную:

«Сего пятого-на-десять мая, изволением Всемогущего Бога и Пречистая Богородицы, в московском государстве случилось побитье, за дом Пресвятые Богородицы и за вас, великих государей, за мирное (мирское) порабощение, и неистовство в вам, и от великих в нам налог, обид и неправды» — побиты такие-то и такие-то. «И мы, побив их, ныне просим милости — учинить на Красной площади столп и написать на нем имена всех этих злодеев (невинно побитых-то) и вины их, за что побиты, и дать нам во все стрелецкие приказы, в солдатские полки и посадским людям во все слободы жалованные грамоты за красными печатями, чтобы нас тогда бояре, окольные, думные люди и весь ваш синклит и никто никакими поносными словами, бунтовщиками и изменниками не называли», и т. д.

Учинили им и столб. Дали грамоты за красными печатями. Но и этого было мало. Со стрельцами стали раскольники: им тоже хотелось, чтоб и их старая вера признана была делом хорошим, правым. Они требовали собора.

Доложили и об этом царевне Софье. Велено было позвать выборных раскольников, говорунов, опиравшихся на целую массу раскольников и стрельцов, в Грановитую палату, хотя раскольники и требовали, чтобы собор был на площади, перед всем народом: хотелось тоже, видно, побуянить. Им сказали, что царевнам и царице на площади быть непригоже, зазорно.

Хованский, желая запугать царевну, не советовал ей быть в палате при споре с изуверами.

— Буди воля Божья, но я не оставлю святые церкви и ее пастыря, — отвечала Софья.

Хованский начал пугать бояр.

— Просите, Бога ради, царевну, чтоб она не ходила в Грановитую с патриархом; а если пойдет, то при них и нам быть всем побитым.

Но она и бояр не послушалась. Со страхом и слезами маститый старец-патриарх прошел в Грановитую палату не через Красное крыльцо, боясь изуверов, а по Ризположенской лестнице. Зато через Красное крыльцо велел пронести древние книги, славянские и греческие, чтобы показать изуверам и народу это оружие борьбы против церковного мятежа.

Раскольники вошли в Грановитую палату с крестом, Евангелием, образами, налоями и свечами.

На царских тронах они увидели двух царевен: Софью и тетку ее, Татьяну Михайловну, одну из наиболее уважаемых всеми личностей. Ниже, в креслах, сидели: царица Наталья Кирилловна, царевна Марья Алексеевна и патриарх. Остальные места были заняты архиереями, царедворцами, боярами и выборными от стрельцов.

— Зачем пришли вы в царские палаты и чего требуете от нас? — спросил патриарх коноводов раскольничьих.

— Мы пришли к царям-государям побить челом о исправлении православной веры, чтобы дали нам свое праведное рассмотрение с вами, новыми законодателями, и чтобы церкви Божьи были в мире и соединены, — отвечал знаменитый изувер Никита, суздальский священник.

— Не вам подобает исправлять церковные дела, — сказал патриарх: — вы должны повиноваться матери своей, святой Церкви и всем архиереям, пекущимся о вашем спасении: книги исправлены с греческих и наших харатейных книг по грамматике, а вы грамматического разума не коснулись и не знаете, какую содержит в себе силу.

— Мы пришли не о грамматике с тобой говорить, а о церковных догматах! — закричал Никита. — Зачем архиереи при осенении берут крест в левую руку, а свечу в правую?

Когда, вместо патриарха, стал отвечать на это холмогорский епископ Афанасий, Никита бросился на него с поднятой рукой.

— Что ты, нога, выше головы ставишься? — закричал он. — Я не с тобой говорю, а с патриархом!

Выборные от стрельцов тотчас оттащили Никиту от Афанасия. Софья-царевна, возмущенная сценой, вскочила с трона.

— Видите ли, что Никита делает? — говорила она с негодованием. — В наших глазах архиерея бьет, а без нас и подавно бы убил!

— Нет, государыня, он не бил, только рукой отвел, — защищались раскольники.

— Тебе ли, Никита, с святым патриархом говорить? — продолжала царевна. — Не довелось тебе у нас и на глазах быть: помнишь, как ты отцу нашему и патриарху и всему собору **принес повинную**, клялся великого клятвой вперед о вере не бить челом, а теперь опять за то же принялся?

— Не запираюсь, — отвечал Никита: — поднес я повинную за мечом да за срубом, а на челобитную мой, которую я подал на соборе, никто мне ответа не дал из архиереев: сложил на меня Семен Полоцкой **книгу — «Жезл»**, но в ней и пятой части против моего челобитья нет. Изволишь, я и теперь готов против «Жезла» отвечать, и если буду виноват, то делайте со мной, что хотите.

— Не стать тебе с нами говорить, и на глазах наших быть! — отвечала Софья, и приказала читать раскольничью челобитную.

Дочитали до того места, где говорилось, что Арсений-еретик и патриарх Никон поколебали душу царя Алексея.

Царевна Софья не могла этого вынести: слезы выступили у нее на глазах. Она опять вскочила с царского трона.

— Если Арсений и Никон патриарх еретики, — говорила она еще с сильнейшим негодованием: — то и отец наш и брат также еретики стали: выходит, что и нынешние цари не цари, патриархи не патриархи, архиереи не архиереи! Мы такой хулы не хотим слышать, будто отец наш и братья еретики — мы пойдем все из царства вон!

Она отошла от трона и остановилась поодаль.

Впечатление было потрясающее. Бояре и выборные заплакали.

— Зачем царям-государям из царства вон<...>

<... > Столб сломали и стрельцов помиловали; дали им нового начальника, Шакловитого — и начали понемногу рассылать подальше от Москвы.

Царевна Софья продолжала почти единовластно заправлять Русской землей.

Началась война с турками, а там и знаменитые крымские походы любимца царевны, Василия Васильевича Голицына, походы неудачные, но давшие повод царевне обнаружить всю силу страсти к своему «Васеньке», «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателю» — звание Василия Васильевича Голицына.

«Свет мой, братец Васенька! здравствуй, батюшка мой, на многие лета!»— писала ему Софья по поводу известия об отражении им крымского хана<...>

Еще большая нежность и страстность высказываются в другом письме Софьи, когда она получила известие о возвращении Голицына от Перекопа.

«Свет мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен, что Господь Бог прославил имя свое святое, также и Матери своей, Пресвятые Богородицы, над вами, свет мой! <...>».

Но не все так смотрели на дела крымские, как вся проникнутая страстью царевна. Голицын был ее давнишней привязанностью: она скреплялась и общностью государственного дела, и обязанностью личных интересов. Царевна могла полюбить его, как одного из образованнейших молодых царедворцев того времени. Он много знал, много читал, жил роскошно: библиотека его отличалась редкими по тому времени книгами. Царевна также была образованнейшею женской личностью своего времени, как ученица Симеона Полоцкого. Ей посвящали книги, в честь ее писали стихи – виршами той эпохи. Уже в 1682-м году архидиакон Чудова монастыря Карион Истомин подал ей вирши, в которых просит царевну Софью дать Русской земле образованных учителей, открыть школы:

Умом убо самодержцев сущих,
Да государи они то изволят,
Обще Господа о том да помолят,
Наукам велят быти совершенным,
И учителем людем извещенным.

И ученые явились. Это были братья Лихуды-греки. Открылись школы: жизнь, видимо, начинала бить ключом, движение начиналось. Тут уже были и другие образованные люди, как мы упомянули: Артамон Матвеев, сын его Андрей, знавший по латыни и хорошо говоривший на языке Горация, и жена его, единственная женщина, не прибегавшая к татарским румянам. Тут же и Софья с Голицыным, сближение которых имело хорошую основу.

Но непродолжительно было счастье Софьи и Голицына; непродолжительно было и владычество их. Петр подрастал. А между тем Софья в государственных актах ставила свое имя рядом с именами братьев, царей и подписывалась «самодержицей всея Руси».

Даже в Венеции, когда русский посол Волков объявил, что в России с великими государями «соцарствует» царевна Софья, один сенатор в недоумении спрашивал: «Дож и весь сенат удивляются, как подданные ваши служат их царским величествам, таким превысоким и славным трем персонам государским?»

А царица Наталья Кирилловна, видя подрастающего сына, уже смело спрашивала прочих царевен:

– Для чего она стала писаться с великими государями вместе? У нас люди есть, и того дела не покинут.

У Петра уже завелись «потешные конюхи», как их презрительно называла Софья; но эти конюхи были опасны для нее.

Надо было опять подать руку стрельцам. Софья подала руку — и вместе рука об руку дошли: она до монастыря и вечного заточенья, стрельцы — до топора, плахи, колеса и пр.

Шакловитый, от имени Софьи, мучил стрельцов. Решились убить молодого царя и его мать.

— Хотят нас перевести, — говорил Шакловитый самым надежным стрельцам: — а мучит всем царица; меня хотят высадить из приказа, а вас, которые ко мне в дом вхожи, разослать всех по городам.

Стрельцы начинают советовать, что делать с царями.

— Как быть, — говорил Чермный: — хотя и всех побить, а корня не выведешь: надобно уходить старую царицу, «Медведицу?»

Другие говорили, что за мать Петр будет мстить.

— Так чего и ему спускать? Зачем дело стало? — отвечал Чермный.

— У царя Ивана Алексеевича двери завалили дровами и поленьем, и царский венец изломали, — а кому ломать только с ту сторону? — говорили другие.

Порешили надеть венец на царевну Софью.

Но время стрельцов уже отошло. «Потешные конюхи», над которым» издевалась Софья, побеждали; и сами стрельцы скоро выдали своего Федьку Шакловитого. Его казнили с главными сообщниками; любимца Софьи, Василия Васильевича Голицына, сослали в Пинежский Волок — и там забыли.

Царевну Софью, вместо царского венца, ожидал монашеский клубок, как о том некогда и предсказывали ей стрельцы.

Казнив Шакловитого с сообщниками и разослав друзей Софьи, семнадцатилетний Петр писал своему старшему брату царю Ивану:

«Милостью Божьей вручен нам, двум особам, скипетр правления, также и братьям нашим, окрестным государем, о государствовании нашем известно; а о третьей особе, чтобы быть с нами в равненственном правлении, отнюдь не вспоминалось. А как сестра наша, царевна Софья Алексеевна, государством нашим учала владеть своей волей, и в том владении что явилось особам нашим противное, и народу тягости, и наше терпение, о том тебе, государь, известно. А ныне злодеи наши Федька Шакловитый с товарищи, не удоволяся милостью нашей, преступи обещание свое, умышляли с иными ворами о убийстве над нашим и матери нашей здоровьем, и в том по розыску и с пытки винулись. А теперь, государь братец, настает время нашим обеим особам Богом врученное нам царствие править самим, понеже пришли есми в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими двумя мужскими особами в титлах и в расправе дел быти не изволяем; на то-б, государя, моего брата, воля склонилась, потому что учала она в дела вступать и в титла писаться собой без нашего изволения; к тому же еще и царским венцом, для конечной нашей обиды, хотела венчаться. Срамно, государь, при нашем совершенном возрасти, тому зазорному лицу государством владеть мимо нас!»

Итак, этому «третьему зазорному лицу» назначено было житье в Новодевичьем монастыре<...>